

УДК 330.004.69(510)+323.113(=581)

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА КАК СУБЪЕКТ МОДЕРНИЗАЦИИ В КНР
M. A. Сущенко

**THE CHINESE DIASPORA AS THE SUBJECT OF MODERNIZATION IN THE PEOPLE'S
REPUBLIC OF CHINA**
M. A. Sushchenko

В статье анализируется роль китайской диаспоры в модернизации КНР. Даётся характеристика типологии китайских граждан, проживающих за пределами материкового Китая. Автор исследует роль прямых иностранных инвестиций (хуацяо) в экономику КНР и в формировании политической культуры современного Китая.

The role of the Chinese diaspora in modernization of the Peoples Republic of China is analyzed in the article. The typology of the Chinese citizens living outside continental China is characterized. The author investigates a the role of direct foreign investments (huaqiao) in the economy of the People's Republic of China and in the formation of political culture of modern China.

Ключевые слова: модернизация в КНР, китайская диаспора, инвестиции, политическая культура, гражданское общество, хуацяо.

Keywords: modernization in the Peoples Republic of China, the Chinese diaspora, investments, political culture, a civil society, huaqiao.

Китайская диаспора имеет давнюю историю и традиции, связывающие её с материковым Китаем. Традиционно причинами развития эмиграции в Китае являлось сочетание экономических, социальных и политических факторов. В Китае с начала новой эры до очередной смены династии в III в., возникла этническая общность с самоназванием чжунгожень – «человек Срединного царства». В X – XIII вв., после заселения Центральной равнины между долинами Хуанхэ и Янцзы, возникает различие «северян» (хань-сень, или «люди Хань») и «южан» («наньжене»). Во времена правления маньчжурской династии Цин (1644 – 1911) термин «ханьжень» стал использоваться для обозначения этнических китайцев хань, отличающихся от господствующих северян. При этом в равной степени употребим термин чжунхуа (образованный из этнонимов чжунго и хуася), впервые встречающийся в летописи «Цзиньшу» VII в. н. э. Данный этноним обозначал население центральных провинций китайского государства и отличал его от периферии. Начиная с V в. до н. э. распространение китайской цивилизации в пространственном измерении проходило как экспансия с севера на юг, из зоны умеренного климата бассейна Хуанхэ («пшеничный пояс») – в субтропическую зону бассейна Янцзы («рисовый пояс») и южнее, в «рисовые долины» ее притоков. В III в. н. э. первые китайские иммигранты появились во Вьетнаме, а в V в. торговые суда добрались до о. Явы. Отток ханьского населения из Поднебесной всегда связывался с внутриполитическими кризисами. Во время династии Тан (618 – 906 гг.) были заселены прибрежные юго-восточные провинции Фуцзянь и Гуандун. В период правления династии Сун (960 – 1278 гг.) население этих провинций стало формировать миграционные потоки на Тайвань и в страны ЮВА. В 1074 г. китайские купцы начинают созда-

вать компании для международной торговли. В X в. они обосновались на северном побережье Явы, а в XIII в. – на Суматре. В XIV в. стали основывать торговые фактории на Калимантане, Малакке, Молукках и Лусоне. В целом в среде китайской эмиграции можно выделить аграрную и коммерческую. Причём традиционно китайским общинам было свойственно особенное чувство землячества. Иммигранты из восточного Гуандуна, говорящие на диалекте юэ, самоопределялись как кэцзя (в местном произношении «хакка» или «семья гостей»). Переселенцы из южного Гуандуна и Гуанси назывались гуанфу, а из южной Фуцзяни, Фучжоу и с. о. Хайнань – как фуцзяньцы. Следует отметить, что центральное правительство на материке всегда стремилось контролировать общины хуацяо. Династия Мин (1368 – 1644) ввела «морской запрет» на частные внешнеторговые операции, что спровоцировало развитие криминальных форм деятельности, контрабандную торговлю и пиратство [3, с. 145 – 148].

Конфуцианство традиционно относилось негативно к иммиграции, если она приводила к уходу с земли, где остались могилы предков. Это обстоятельство обеспечило традиционно высокую связь хуацяо со своей родиной. А маньчжурская бюрократия открыто конфликтовала с диаспорой, так как она стала базой для формирования криминальных триад, которые находились в оппозиции к центральному правительству. Поэтому маньчжурская династия никогда не поддерживала хуацяо и не следовала их интересам. Это привело к сплочённости китайской диаспоры вне материкового Китая. Поэтому к моменту появления европейцев в ЮВА китайская диаспора была сплочена и готова к посредническим компрадорским функциям. С середины XIX в. Поднебесная империя входит в состояние тяжелого системного кризиса и быстро теряет способность к ве-

дению самостоятельной политики. Маньчжурская администрация в Пекине фактически утрачивает контроль над положением дел в центральных и южных провинциях. Острейший экономический и политический кризис вызывает скачкообразный рост эмиграции. Впервые в своей истории китайская диаспора стала развиваться при доминировании не политических, а экономических факторов. Если ранее преобладала эмиграция разрозненных групп, опавшихся репрессий при смене династии, то во второй половине XIX в. отмечается массовая эмиграция крестьян, ведомых кризисом безземелья. Наиболее привлекательной для европейских колонизаторов являлась задача эксплуатации ресурсов Китая. Особенно его колоссальных трудовых резервов. Естественно, для китайских крестьян были чрезвычайно привлекательны предложения работы за границей, которые им делали европейские агенты. Со второй половины XIX в. государство Цин вступает в системный масштабный кризис, что провоцирует рост эмиграции. Поражение в опиумных войнах 1840 – 1842 и 1856 – 1860 гг. усугубило развитие кризисных процессов ещё в большей степени. Китайская диаспора расселяется по всей территории Британской колониальной империи.

Многие эксперты говорят, что экономический взлет Китая и принятие страны в ВТО были в немалой степени обеспечены хуацяо, которые вкладывали огромные инвестиции в китайскую экономику и лоббировали интересы Китая в международном сообществе. Общая численность хуацяо на сегодняшний день составляет порядка 60 миллионов человек. Особенно многочисленные ареалы расселения наблюдаются в Юго-Восточной Азии, где гражданам китайского происхождения принадлежит больше половины официально зарегистрированных компаний, и на западном побережье США.

Концепция «гармоничного общества», формулирование которого связывают с китайскими политиками четвёртого поколения, и Ху Цзиньтао в частности, тесно связана с китайским миропониманием и национальной конфуцианской культурой. Китайская диаспора является одной из движущих сил модернизации и построения «гармоничного общества», являющимся составной частью понятия «гармоничный мир», связующим звеном между зарубежными странами и КНР.

По данным китайской статистики, около 600 тыс. научно-технических специалистов китайского происхождения работают вне КНР. В США их насчитывается 450 тыс. С 1978 г. за границу выехали 1,5 млн китайских студентов, из их числа к концу 2008 г. вернулись 300 тыс. чел. Количество возвращающихся студентов растёт, в 2004 г. было зарегистрировано 25 тыс. вернувшихся студентов, в 2006 г. – 42 тыс. (на 21,3 % больше, чем в 2005 г.), в 2007 г. – 44,5 тыс. чел., в 2008 г. их количество уже превышает 50 тыс. чел. [1, с. 86].

На наш взгляд, рост данной тенденции связан с мировым финансовым кризисом и является следст-

вием политики руководства КНР, направленной на привлечение в страну квалифицированных специалистов.

Руководство КНР всегда стремилось расширить с помощью хуацяо связи с другими государствами для того, чтобы выполнить основную задачу нового периода и добиться главной цели – реализовать программу модернизаций.

Наиболее интенсивными направлениями эмиграционных потоков оказались в США, Японию, Канаду, Австралию, а в последние годы и в страны ЕС. В 2004 г. в 20 странах ОЭСР появилось 256,2 тыс. новых иммигрантов из Китая, в том числе в Японии – 90,3 тыс., в США – 51,2 тыс., в Канаде – 36,4 тыс., в Великобритании – 18,5 тыс., в Австралии – 13,6 тыс. Китайские специалисты, бизнесмены и рабочие отмечаются в Афганистане, Южной Африке, на Маврикии, в Израиле, Дубае и других странах, где ранее они замечены не были. Китайская диаспора расселилась в 150 странах [4, с. 9].

Важно разграничить понятия, обозначающие «зарубежных китайцев» и диаспору. Жителей Сянгана, Аомэня и Тайваня называют официально «соплеменниками» (тунбао). «Хуацяо» – гражданин КНР, постоянно проживающий за границей. «Вайцзи хуажэнь» – бывшие китайские граждане, проживающие за границей КНР и имеющие иностранное подданство. «Гуацияо» – реэмигранты или репатрианты, китайцы, вернувшиеся на родину для постоянного места жительства. «Цяоцюань» – родственники «гуацияо» и «хуацияо» в КНР [5, с. 44].

За время модернизации процесс инвестирования хуацяо в Китай прошёл несколько этапов развития. Первый этап: 1978 – 1991 гг. В самом начале проведения политики реформ инвестиции зарубежных китайцев в КНР поступали в средние и малые предприятия в небольшом объёме, так как экономика тогдашнего Китая находилась на невысоком уровне развития и характеризовалась несовершенством инвестиционного законодательства. В 1988 – 1991 гг. были приняты законы, значительно улучшившие инвестиционную среду и обеспечивающие льготные условия для иностранных инвестиций. Улучшение инвестиционного климата привело с середины 1980-х гг. к появлению первой волны инвестиций хуацяо в КНР. В рамках второго этапа, 1992 – 1998 гг., были устранены разногласия в руководстве и взят курс на продолжение реформ, что привело к настоящему инвестиционному буму в 1991 – 1997 гг. На третьем этапе, 1999 – 2000 гг., прямые инвестиции зарубежных китайских бизнесменов из всех основных стран и регионов к 2000 г. возросли, благодаря масштабному росту инвестирования из свободных портов. Доля зарубежных китайских предпринимателей в общем объеме ПИИ в 1999 – 2000 гг. балансировалась на уровне 53 – 54 %. В рамках четвёртого этапа, 2001 – 2007 гг., несмотря на сложную международную обстановку после терактов 11 сентября 2001 г., Китай, благодаря эффективной политике привлечения иностранных инвести-

ций, сумел заинтересовать потенциальных инвесторов. Прямые инвестиции зарубежных китайцев на данном этапе – за 7 лет выросли на 98 % – с \$24,6 млрд в 2001 г. до \$48,8 млрд в 2007 г.; среднегодовой прирост составил 14 %. ПИИ выросли за тот же период на 60 % – с \$46,9 млрд в 2001 г. до \$74,8 млрд в 2007 г., а среднегодовой прирост составил 8,6 %. С 2008 г. начался пятый этап в развитии сотрудничества национальной экономики с капиталом зарубежных китайцев. После кризиса 2008 года низкотехнологичные компании с трудоемким характером производства постепенно вытесняются с рынка. Общей тенденцией для всех зарубежных китайских компаний в КНР становится ориентация на внутренний рынок и освоение сферы услуг [2, с. 30 – 36].

Стоит отметить, что с самого начала периода реформ КНР использовала тайваньский опыт по интеграции зарубежных китайцев в свое общество и процесс политических решений. Показателен также пример США, где среди этнических китайцев есть представители политического истеблишмента – мэры городов, конгрессмены, министры.

Часть из них являются сотрудниками администрации Барака Обамы, всего в США из числа высокопоставленных чиновников китайского происхождения можно выделить – министра энергетики Стивен Чу, министра торговли Гэри Лок, бывшего губернатора штата Вашингтон (1997 – 2005), секretаря администрации Белого дома Лу Пэйнин, главу отдела по связям с общественностью администрации президента США Чэн Юаньмэй, юридического советника министерства национальной безопасности Фан Фуюй [6, с. 29].

Уехавших за пределы КНР китайцев профессор Чжуан Готу, ведущий исследователь китайской диаспоры в мире, называет «квинтэссенцией китайской нации» [5, с. 49]. Целью нынешнего руководства КНР является способствовать как можно большему числу квалифицированных кадров. Подобные устремления китайского руководства развиваются на фоне институализации китайской диаспоры и возрастающего стремления китайских студентов получить образование в наиболее престижных вузах западного мира. Более того, всё больше студентов из числа квалифицированных специалистов стремятся занять управленческие и перспективные должности. Главным направлением экспансии китайской диаспоры выступают стратегически важные для КНР государства и регионы. В первую очередь, это Центральная и Юго-Восточная Азия, страны ЕС, Африка, Австралия, Северная и Южная Америка.

На наш взгляд, данный феномен можно связывать с усилением мощи КНР в мире, когда стратегически выгодным становится привлекать к управлению чиновников, имеющих контакты с Китаем. В свою очередь, обратная связь в этом явлении может проявляться в проникновении элементов западной политической культуры в КНР. Китайская диаспора

– посредник между КНР и развитыми странами, её финансовый и политический потенциал, который способствует формированию нового политического облика КНР.

Модернизацию в Китае можно определить как инновационную политику с комплексом мер, проводимых государством, направленных на регулирование экономических отношений и использования новых технологий. Идеологической базой инновационной политике в Китае являются тезисы Дэн Сяопина. Акцент на развитие науки и технологии как важнейшей производительной силы. Достойное вознаграждение и поощрение работников интеллектуального труда, включая научно-технологических специалистов. Реформа системы управления наукой и технологиями, подобно реформе экономической структуры, которая направлена на либерализацию производительных сил. Последовательная реализация данных тезисов, подтверждаемая данными статистики, рассматривают инновационную политику как курс на либерализацию экономики в КНР и утверждает рыночные отношения.

Согласно списку, опубликованному компанией Hurun, в 2011 году, в Китае насчитывается 271 миллиардер. А в прошлом году – 189. Число людей, чье состояние превышает 1,57 млн долл., достигло 960 тыс. Оно увеличилось с прошлого года на 9,7 %. По данным экспертов «Независимой газеты», более половины самых богатых китайцев планируют уехать из страны. По их социологическим данным, большинство из 980 респондентов в 18 городах уверяют, что не уверены, сумеют ли сохранить собственность в Китае сегодня. Более трети из них перевели часть капиталов за границу. По мнению эксперта «НГ», который опирается на китайские социологические исследования, состоятельные люди опасаются, что в КНР возможен масштабный экономический кризис. Примерно 46 % китайцев, чьи ликвидные активы превысили 10 млн юаней (1,57 млн долл.), намереваются уехать за границу и 14 % из них предприняли шаги в этом направлении. Около трети заявили, что инвестировали средства за рубежом. Это во многих случаях способствует новым волнам китайской иммиграции. Устранение проблемы «двойного гражданства» значительно уменьшало воздействие факторов, вызывающих напряженность в межгосударственных отношениях стран ЮВА с КНР, а также между зарубежными китайцами и коренным населением и способствовало упрочнению связей между хуацю и КНР. Эта тенденция способствовала активному привлечению финансовых средств зарубежных китайцев и их родственников в КНР и за границей, выработке законов, которые охраняли бы их права и интересы, поиску более живого и многообразного общения с ними [7, с. 8].

Социальная база для потенциальных «хуацю» тем временем расширяется. Недовольство и тревога охватывают не только деловую, но и политическую элиту. Немало предпринимателей в Китае озабоче-

ны судьбой своего бизнеса и своей личной безопасностью. Некоторые уезжают из страны за рубеж. Чаще всего это те, чье состояние заработано не вполне законным путем, а также усилился отток за границу просто зажиточных людей, студентов.

Тем не менее дальнейшее усиление влияния «хуацяо» в экономике КНР будет расширять их возможности участия в политическом руководстве страны. Если КНР опирается на представителей бизнес-элиты китайских эмигрантов с целью лоббирования своих интересов в ряде стран, то можно предположить, что в будущем «хуацяо», проживающие в странах с рыночной экономикой и демократической политической культурой, могут оказывать содействие и стимулировать демократические процессы внутри КНР.

На законодательном уровне была закреплена возможность участия хуацяо в органах государственной власти. Хотя конституция КНР 1982 г. изначально не предусматривала права зарубежных китайцев иметь своих депутатов во ВСНП, что вызывало напряжённость в отношениях с рядом государств. Данный вопрос решался с каждой страной в отдельности путем переговоров и с оформлением соответствующих документов. Впервые эта политика была официально сформулирована в Законе «О гражданстве», принятом на 3-й сессии ВСНП 5-го созыва 10 сентября 1980 г. В определении гражданства он исходил из сочетания «принципа крови» и «принципа почвы» и не признавал «двойного гражданства». Китайского гражданства лишились все, кто получил иностранное гражданство по рождению или по собственному желанию.

В настоящее время изменился характер китайской эмиграции. Если с середины XX в. он был спровоцирован преимущественно политическими причинами, то сегодня основной целью прибывания китайских мигрантов становится экономическая мотивация и образование. Это обстоятельство изменило облик китайского мигранта и способствует формированию благожелательного отношения к ним со стороны правительства ряда стран Запада. Занятие высоких квалифицированных должностей в правительствах ведущих стран Запада говорит о том, что ни о какой политической дискриминации в отношении хуацяо не может быть и речи. Не приходится говорить и об экономическом ущемлении китайцев, значительная часть из которых занята в финансовых и административных органах.

На наш взгляд, особенная роль хуацяо в китайской модели модернизации отражена в её специфических чертах, которые связаны с феноменом национальной культуры КНР.

Во-первых, большая плотность населения сформировала предпосылки для иммиграции значительных социальных слоёв. Ограничность ресурсов, а также высокая конкуренция в различных секторах экономики в сочетании со свойственной китайской нации мобильностью, послужила фактором иммиграции. Более того, китайская иммиграция имеет

большой исторический опыт, богатый на внутренние катаклизмы в Китае XX в., обусловил большой отток населения с материкового Китая в разные промежутки времени.

Во-вторых, высокая роль государства в структуре органичной авторитарной модели обусловила утилитарный контроль над иммиграционным оттоком населения. Посредством иммиграции государство и партия решают проблемы перенаселения, очагов социальной и национальной напряжённости в ряде регионов КНР.

В-третьих, особенная роль крестьянского населения, которое составляет до 800 млн чел., лишённого прав собственности на землю, многих гражданских прав. Такое положение крестьянского населения создаёт предпосылки для иммиграции.

В-четвертых, высокая роль в экономике КНР капитала государств ЮВА с преимущественно китайским населением (Тайвань, Сингапур) и большим китайским населением (Малайзия, Таиланд, Вьетнам, Южная Корея).

В многом эта роль сводится к прямым иностранным инвестициям в КНР со стороны хуацяо и хуажэнь, проживающих в этих государствах. Высокое значение имеет фактор присоединения Гонконга и Макао в китайской модернизации и экономическом росте. Китайская эмиграция обладает почти двухтысячелетним опытом.

Таким образом, усиление роли «заморских китайцев» в экономической структуре КНР будет развиваться пропорционально экономической модернизации. Контакты хуацяо и хуажэнь с КНР традиционно очень тесные в силу национального менталитета, в перспективе будут развиваться по принципу обратной связи. Многие китайские студенты, получившие образование за рубежом, потом работают в национальных кампаниях и органах государственной власти, привносят черты западного менталитета в свою деятельность. Репатрианты из числа «хуацяо» и «хуажэнь» вносят свой вклад в развитие гражданского общества и в будущем смогут влиять на формирование политической культуры КНР. Доля прямых иностранных инвестиций хуацяо в национальную экономику КНР в последние годы имеет тенденцию устойчивого роста. Представители китайского этноса становятся частью политического истеблишмента ведущих развитых государств, тем самым улучшают коммуникацию между элитами Китая и стран Запада, являясь при этом важным субъектом модернизации КНР.

Литература

1. Афонасьева, А. В. Привлечение квалифицированных кадров из числа зарубежных китайцев для работы в КНР / А. В. Афонасьева // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 5.
2. Афонасьева, А. В. Как зарубежные китайцы помогают КНР / Афонасьева // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8.

3. Богомолов, С. А. Китайская диаспора в Британской империи / С. А. Богомолов // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3.
4. Ларин, А. Китай: регулирование эмиграционного процесса / А. Ларин // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 7.
5. Сергеева, А. А. Зарубежные соотечественники как составная часть концепции «гармоничного общества» в контексте диаспоральной политики КНР (с начала периода «реформ и открытости» / А. А. Сергеева // Вестник Московского университета. – 2011. – Сер. 13. – № 1.
6. Сергеева, А. А. Поиски эффективного использования диаспоры / А. А. Сергеева // Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 8.
7. Скосырев, В. Китайские миллионеры хотят эмигрировать / В. Скосырев // Независимая газета. – 09.11.2011.